

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

Стиль проповедей Джона Донна

© кандидат филологических наук М.А. Бурмистрова, 2011

Интеллектуальные конфликты и изменяющиеся направления мнений в XVI-XVII веках более четко представлены в прозе этого периода, нежели в поэзии. Всевозможные памфлеты, религиозные споры, политические и литературные теории расцветают как никогда, в результате чего приходится иметь дело с разнообразной прозой, которую с трудом можно назвать «литературой», но которая дает представление о состоянии английской прозы того периода. В это разнообразие входили религиозные произведения, проповеди, переводы, хроники, биографии, описания современных событий, художественная литература. Два значимых события можно выделить в большинстве работ той эпохи: во-первых, прорыв разговорной речи с ее энергией в письменное слово, и, во-вторых, осознанная попытка сформировать художественный стиль английской прозы. Обе эти тенденции зачастую можно найти в одном и том же произведении.

Интересно, что среди произведений, опубликованных между 1600-1660 годами, наибольшей популярностью пользовались проповеди. И пуритане, и англиканцы подчеркивали важность проповеди, что в Елизаветинский период было чрезвычайно сомнительно (поскольку проповедующие пуритане часто воспринимались как угроза для Елизаветинского правления), но во время правления Якова I и Карла I считалось назидательным и пояснительным. Проповедь сочетала в себе познания в таких областях, как риторика, логика, теология, лингвистика. Разнообразие стилей и манер было огромным – от возбуждения эмоций страстными и гротескными образами до *explication de texte*. Популярная традиция яркого и страстного призыва сочеталась с ученой традицией проницательного комментария.

Среди выдающихся проповедников того времени (Ланселот Эндрюс, Джереми Тейлор), чья слава возродилась в наше время благодаря Т.С. Элиоту, одним из самых ярких явлений стал Джон Донн.

Джон Донн в первую очередь был поэтом. В английской литературе он занимает и будет занимать свое место как поэт. Но в более поздние годы своей жизни его творческая сила находила выражение по большей части в «другой гармонии прозы». Его современникам показалось бы несколько неуместным, что настоятель собора Св. Павла проводит свое свободное время в праздном сочинительстве стихов. Время от времени

поэтический импульс был слишком силен, и он сочинял свои великие сонеты или гимны, но большую часть времени он трудился над проповедями, в результате чего и появилась чудеснейшая проза.

Донн уже обращался к прозе в *Paradoxes and Problems, Biathanatos, Ignatius his Conclave, Essays on Divinity*. Он стал большим художником как в поэзии, так и в прозе. У него было чутье поэта на цвет и звук слова, инстинкт на нужное слово в нужном месте. Он мог услаждать, удивлять, шокировать как в прозе, так и в поэзии. В его прозе нет той концентрированной интенсивности, которая присутствует в стихах. Проза по природе своей более расплывчата, чем поэзия, и менее индивидуальна. Однако проза Донна несет безошибочный налет его индивидуальности.

В прозе Донн принадлежит школе Хукера и Джереми Тейлора, Мильтона, сэра Томаса Брауна. Как и они, Донн учился писать прозу по латыни, и поэтому перенес в свою собственную прозу мастерство сложных предложений, это управление сложноподчиненными предложениями, что является одной из характерных черт латинского стиля. Его великие приемы, такие, например, как завершение ужасного и величественного пассажа проклятием, взяты из нагромождения придаточного за придаточным пока кульминация не обрушится как раскат грома.

Донн не сразу добился мастерства в длинных предложениях. Оно из его ранних произведений (*Character of a Dunce*) состоит из одного огромного предложения, которое в современном издании занимает три печатных страницы. Это предложение, однако, не имеет органичного единства. Это ряд предложений, отделенных одно от другого запятыми и двоеточиями. Его структура была бы гораздо лучше, если бы все двоеточия и часть запятых были бы заменены на точки. Но между *Character of a Dunce* и написанием проповедей Донн выполнил сложнейшее интеллектуальное упражнение, написав книгу *Conclave Ignatii* на латыни. Он также упражнялся в написании по-английски таких книг, как *Biathanatos, Pseudo-Martyr* и *Essays in Divinity*. Ни одна из этих книг не может сравниться с великими проповедями по стилю, но во всех этих книгах в отдельных пассажах начинает проявляться величие стиля Донна.

Один из секретов эффектной риторики, по словам Цицерона, это противопоставление длинных и коротких предложений. После пассажа с продолжительным доказательством чего либо или возвышенной речи, короткое содержательное предложение вряд ли будет действенно. Донн усвоил этот секрет, и поэтому чередование длинных и коротких предложений часто в его проповедях. Рядом с длинными, искусно выстроенными предложениями, мы встречаем такие содержательные, как: «*Militia, vita; вся наша жизнь – война; Бог не избрал бы трусов*».

Еще одной яркой чертой стиля Донна является его умелое использование аллитерации. Само по себе использование аллитерации как в прозе, так и в поэзии вещь довольно непримечательная. Аллитерация являлась неотъемлемой частью английской литературной формы, и свободно использовалась в прозе Сэром Томасом Мором (знаменитым двоюродным дедом Донна), Нортон (North), Лили (Lyly), Нэшем (Nash) и другими писателями 16 века, что вполне ожидаемо, что Донн также к ней обращался. Но Донн использует ее менее очевидно и с большим умением, чем его предшественники. Что может быть более утомительным, чем целенаправленное выуживание букв, как, например, находим у Мора «walk pit pat upon a pair of patens», или Лили «Prince, page, pore, and pore soul priest». Донн не использовал аллитерацию так неуклюже. Самая знаменитая строка из поэзии Донна – «A bracelet of bright hair about the bone» – частично обязано своим очарованием именно аллитерации. Есть и еще более утонченные вариации в других знаменитых строках: «O more then Moone, Draw not up seas to drowne me in thy sphere». Донн избегает использования целых фраз, состоящих из аллитерации, что обесценило бы прием постоянным использованием. Он создает свежие варианты, как например: «From that inglorious drop of raine, that falls into the dust, and rises no more, to those glorious Saints who shall rise from the dust, and fall no more, but, as they arise at once to the fulnesse of *Essentiall* joy, so arise daily in *accidentall* joyes, all are the children of God, and all alike of kin to us» (*Fifty Sermons*, No. 41, p. 376). Или в предложениях короче: «Death is the Divorce of body and soul; Resurrection is the Re-union of body and soule» (*LXXX Sermons*, No. 19, p.188); «Who can feare the darknesse of death, that hath had the light of this world, and of the next too? Who can feare death this night, that hath had the Lord of life in his hand to day?» (*Ibid.*, No. 4, p. 38).

Еще одной чертой стиля Донна является его любовь к антитезе. Со времен публикации *The Diall of Princes* и *Euphues* Лили, елизаветинцы испытывали чрезмерную привязанность к предложениям с антитезой, которые часто усиливались аллитерацией: «Ah well I perceive that love is not unlike the Figge tree, whose fruite is sweet, whose roote is more bitter then the claw of a Bitter, or lyke the Apple in Persia, whose blossome savoreth lyke honny, whose budde is more sower than gall» (Lyle, *Euphues* (*Works*, ed. Warwick Bond, I.208)). Стилю Донна не свойственны манерность и абсурдность эвфуизма, несмотря на то, что он, как все писатели начала семнадцатого века, не мог не попасть под влияние экспериментов со стилем Лили. В *Euphues* усложнение языка зачастую скрывает бедность мысли. Донну такая маска была не нужна.

Менее приятны, чем аллитерация или антитеза, слуху современных читателей созвучия, которые Донн, как и другие елизаветинцы, чрезвычайно любил: «I shall rise from the dead, from the darke station, from the

prostration, from the prostration of death, and never misse the sunne, which shall then be put out, for I shall see the Sonne of God, the Sunne of glory, and shine myself, as that sunne shines.» (*Fifty Sermons*, No. 37, p. 343) Помимо созвучий, здесь присутствует игра слов Son – Sun, что довольно часто встречается у Донна в проповедях, и которую Донн ввел в «Гимн Богу Отцу»: «But sweare by thyselfe, that at my death thy sonne/ Shall shine as he shines now, and heretofore.»

В другом месте Донн играет на двойном значении слов ordinance и ordnance: «His Ordinance of preaching batters the soule, and by that breach the Spirit enters.» (*Sermons on Judges 5.20* (1622), p. 30). Он так же часто цитирует игру слов отцов церкви по латыни: «Christ came *per mundam in mundum*, by a clean woman into an unclean world» (XXVI *Sermons*, No. 14, p. 195); «*Saint Bernards harmonious charme will strike upon us, Rara hora, brevis mora...*» (*Fifty Sermons*, No. 50, p. 472); «No eloquence enclined them, no terrors declined them: No dangers withdrew them, no preferment drew them.» (LXXX *Sermons*, No. 71, p. 724).

Донн добивается потрясающего эффекта, повторяя одно и то же слово из предложения в предложение, но каждый раз помещая его в слегка отличающуюся позицию и с немного другой коннотацией. Вот характерный пример из одной из самых тщательно построенных проповедей, которую он произнес перед Карлом I в Whitehall в апреле 1629 года: «Now, if all this earth were made in that minute, may not all come to the general dissolution in this minute? Or may not thy acres, thy miles, thy Shires shrink into feet, and so few feet, as shall but make up thy grave? When he who was a great Lord, must be but a Cottager; and not so well; for a Cottager must have so many acres to his Cottage; but in this case, a little peece of an acre, five foot, is become the house it selfe; the house, and the land; the grave is all: lower then that; the grave is the Land, and the Tenement, and the Tenant too: He that lies in it, becomes the same earth, that he lies in. They all make but one earth, and but a little of it. But then raise thy selfe to a higher hope againe. God hath made better land, the land of promise; a stronger city, the new *Jerusalem*; and, inhabitants for that everlasting city, *Us*; whom he made, not by saying, let there be men, but by consultation, by deliberation, God said, *Let us make man in our Image, after our likenesse.*» (*Fifty Sermons*, No. 28, p. 240) Помимо этого, чтобы оценить мастерство данного пассажа, нужно учесть, что эта проповедь заканчивается теми же словами, с которых и начинается. Таким образом, Донн делает еще одно кольцо – заканчивает там, где начал. В предыдущем пассаже такие ключевые слова как «earth», «grave», «реее of an acre» уже многожды повторяются, звучат в ушах слушателей. Но даже если взять только тот отрывок, что приведен здесь, идея становится ясна: возьмем слова, на которые естественно падает ударение – «earth ... minute, dissolution ... minute»; «acres ... miles ... Shires ... feet ... feet ... grave»; «Lord ... Cot-

tager ... Cottage»; «peece of an acre ... five foot ... house ... house ... land ... grave ... grave ... Land ... Tenement ... Tenant lies ... earth ... earth ... little ... land ... land of promise new Jerusalem ... everlasting City ... Vs.» Здесь присутствует повторение, но здесь также и разнообразие: иногда слова «earth», «grave» и «land» несут основной смысловый вес предложения, а иногда – только второстепенный акцент. В одном предложении «a great Lord» и «Cottage» противопоставлены, а в следующем – «cottage» не противопоставляется, а дополняется «Cottage». В той части, где предложение достигает своей кульминации, ключевое слово «earth» усиливается своим положением между двойным использованием глагола «lies in»: «He that lies in it, becomes the same earth, that he lies in». Запятая после слова «earth» заставляет нас сделать паузу именно на этом слове. Следующее предложение продолжает тот же прием: «They all make but one earth, and but a little of it». А в последнем предложении «land», которое до сих пор было синонимично «earth» («the grave is the land»), приобретает новое значение, помимо «country»: «better land, the land of promise; a stronger city, the new *Jerusalem*.»

Помимо аллитерации и антитезы, для прозы Донна характерен параллелизм, свойственный поэзии Псалмов и книгам Пророков: «He brought light of darknesse, not out of a lesser light; he can bring thy Summer out of Winter, though thou have no Spring; though in the wayes of fortune, or understanding, or conscience, thou have been benighted till now, wintred and frozen, clouded and eclipsed, damped and benumbed, smothered and stupefied till now, now God comes to thee, not as in the dawning of the day, not as in the bud of the spring, but as the Sun at noon to illustrate all shadowes, as the sheaves in harvest, to fill all penuries, all occasions invite his mercies, and all times are his seasons.» Эта форма была известна в Англии перевода Тиндейла 1534 года, хотя, конечно, можно проследить следы влияния начиная непосредственно со староанглийской поэзии Кэдмона и Кюневулфа (Cynewulf). Известно, что Донн изучал Ветхий Завет на трех языках – на древнееврейском, который он иногда вставляет в текст, чтобы показать мощь некоторых слов, Вульгату на латыни, с которой он был знаком с детства, и на английском по Geneva Bible и Authorizes Version. Проповеди Донна пропитаны языком древнееврейской поэзии с ее параллелизмом и антитезами.

Донн очень тщательно подбирает цитаты из Библии, подробно на них останавливается и вживляет их в свою собственную прозу. Вот один из примеров проповеди Донна в день Святой Троицы, в которой он берет за основу ... «And the Spirit of God moved upon the face of the waters»: «To end all with the end of all, Death comes to us in the name, and notion of waters too, in the Scriptures. The Widow of Tekoah said to *David* in the behalfe of *Absalon*, by the Counsaile of *Ioab*, The water of death overflows all; *We must needs dye*, said she, and are as water spilt upon the

ground, which cannot be gathered up again; yet God devises means, that his banished, be not expelled from him. So the Spirit of God moves upon the face of these waters, the Spirit of life upon the danger of death» (LXXX Sermons, No. 31, p. 311).

Говоря о лексике, характерной для прозы Донна, нужно отметить, конечно же, тесное переплетение с фразеологией Библии, которая оказала самое значительное влияние на формирование его стиля. Иногда Донн использует латинизмы и обращается к фразам, явно построенным по законам латинского синтаксиса. Лексика его прозы значительно богаче поэтической – она включает такие слова, как *agnomination, binomious, colluctation, commonefaction, conculcation, consubstantiality, inchoation, unintelligibleness, innotescence, longanimity, lycanthropy, macilency, significative, supergression, superplusage*; а также теологические термины *hypostatical union of two natures in Christ, the impassibility of the Divine Nature, the impenitableness of those who sin against the Holy Ghost*. Но как только Донн охвачен какой-либо сильной эмоцией, он оставляет сложные слова. О смерти, вопрос, который всегда так глубоко его волновал, он говорит: «*It comes equally to us all, and makes us all equal when it comes. The ashes of an Oak in the Chimney, are no Epitaph of that Oak, to tell me how high or how large that was; It tells me not what flocks it sheltered while it stood, nor what men it hurt when it fell. The dust of great persons graves is speechlesse too, it sayes nothing, it distinguishes nothing: As soon the dust of a wretch whom thou wouldest not, as of a Prince whom thou couldest not look upon, will trouble thine eyes, if the winde blow it thither; and when a whirle-wind hath blowne the dust of the Church-yard into the Church, and the man sweeps out the dust of the Church into the Church-yard, who will undertake to sift those dusts again, and to pronounce, This is the Patrician, this is the noble flower, and this the yeomanly, this the Plebeian bran?»*

Предложения Донна могут быть краткими, содержательными, разговорными, как у Буньяна, или красноречивыми, риторичными, как у Мильтона. Чтобы проиллюстрировать данную мысль, сопоставим два отрывка, сходных по теме – осознание Донном того, что его покаяние за грехи, совершенные в молодости, принято Богом: «*I doubt not of mine own salvation, and in whom can I have so much occasion of doubt, as in myself? When I come to heaven, shall I be able to say to any there, Lord, how got you hither? Was any man less likely to come thither then I?»* Сила разговорного языка данного пассажа сильно контрастирует с тягучей красноречивостью второго, взятого из великопостной проповеди на стих из Иова «*O earth, cover not thou my blood*»: «*And truly, so may I, so may every soule say, that is rectified, refreshed, restored, re-established by the seales of Gods pardon, and his mercy, so the world would take knowledge of the consequences of my sins, as well as of the sins themselves, and*

read my leafes on both sides, and heare the second part of my story, as well as the first; so the world would look upon my temporall calamities, the bodily sicknesses, and the penuriousnesse of my fortune contracted by my sins, and upon my spirituall calamities, dejections of spirit, sadnesse of heart, declinations towards a diffidence and distrust in the mercy of God, and then, when the world sees me in this aagony and bloody sweat would also see the Angels of heaven ministering comforts unto me; so they would consider me in my *Peccavi*, and God in his *Transtulit*, Me in my earnest Confessions, God in his powerfull Absolutions, Me drawne out of one Sea of blood, the blood of mine owne soule, and cast into another Sea, the bottomlesse Sea of the blood of Christ Jesus; so they would know as well what God hath done for my soule, as what my soule and body have done against my God; so they would reade me throughout, and look upon me altogether, I would joyne with *Job*, in his confident adjuration, *O Earth cover not thou my blood*; Let all the world know all the sins of my youth, and of mine age too, and I would not doubt, but God should receive more glory, and the world more benefit, then if I had never sinned. » (LXXX Sermons, No. 13, p. 132)

Несмотря на то, что тема сходна, различие в подходе свидетельствует о значительном изменении в образе мысли. В первом отрывке Донн в первую очередь думает о своих слушателях. Он утешает печальную душу, говоря о своей собственной убежденности, что Бог явил свое милосердие ему, грешнику. Он использует самый простой язык для обыкновенной цели – для передачи факта от говорящего к слушающему. Во втором отрывке его воображение воспламеняется метафизической идеей – возможностью, что зло может трансформироваться в добро. От мысли о его собственном покаянии, принятом милостью Бога, он поднимается к размышлению об активной божественной энергии, которая может сделать зло инструментом еще большего добра. Эта идея была особенно дорога Донну: он уже высказывал ее в своих *Paradoxes* и развивал в нескольких проповедях. Здесь он почти забывает о своих слушателях, чтобы, с одной стороны, помедитировать вслух о своих горестях, а с другой стороны порассуждать о «бездонном море крови Христовой», которая смыла его грехи. Слова здесь зажигаются и горят (как сказал Кольридж: «the wheels take fire from the mere rapidity of their motion»), а предложения приобретают музыку и ритм поэзии.

Этот парадоксальная мысль, что зло может трансформироваться в инструмент для создания блага, подводит нас к еще одному излюбленному приему Донна – парадоксу. В стихах, как светских, так и религиозных, он постоянно задействует парадокс; и характерно, что его ранние попытки в прозе были маленькими отрывками, сделанными по модели итальянских *paradossi*. В проповедях он поясняет великие парадоксы Христианской религии – Господь сотворил человека, чтобы человек мог стать един с Богом; Христос, который есть Бог (Very God of Very God),

подвергается всяческим унижениям, вплоть до смерти на кресте; или человек верующий, который умирает, чтобы жить, противопоставляется обычному человеку, который живет, чтобы умереть. О распятии Донн пишет: «... I see those hands stretched out, that stretched out the heavens, and those feet racked, to which they racked them are foot-stooles; I heare him, from whom his nearest friends fled, prey for his enemies, and him, whom his Father forsooke, not forsake his brethren; I see him that cloathes this body with his creatures, or else it would wither, and cloathes this soule with Righteousnesse, or else it would perish, hang naked upon the Crosse; And him that hath, him that is, *the Fountain of the Water of Life*, cry out, He thirsts...»¹ (LXXX Sermons, No. 40, p. 401)

Парадокс и ирония тесно связаны у Донна. Он зорко подмечает повседневную иронию жизни, но никогда не забывает о последней и жуткой иронии смерти. Вот пример совета, который Донн дает отцам семейства, склонных становиться домашними тиранами: «Call not light faults by heaive Names; Call not all sociableness, and Conversation, Disloyaltie in thy Wife; Nor all levitie, or pleasurablenesse, Incorrigibleness in thy Sonne; nor all negligence or forgetfulness, Perfidiousnesse in thy Servant; Nor let every light disorder within doors, shut thee out of doores, or make thee a stranger in thine owne House. In a smoakie roome, it may bee enough to open a Windowe without leaving the place; ...» (LXXX Sermons, No. 68, p. 692)

Эта ирония, порой горькая, наполняет проповеди, предавая им особый аромат. Донн безжалостно иронизирует и над собой, говоря о своей неудачной молитве: «I throw my selfe down in my Chamber, and I call in, and invite God, and his Angels thither, and when they are there, I neglect God and his Angels, for the noise of a Flie, for the ratling of a Coach, for the whining of a doore; I talke on, in the same posture of praying; Eyes lifted up; knees bowed downe; as though I prayed to God; and, if God, or his Angels should aske me, when I thought last of God in that prayer, I cannot tell: Sometimes I finde that I had forgot what I was about, but when I began to forget it, I cannot tell. A memory of yesterdays pleasures, a feare of to morrows dangers, a straw under my knee, a noise in mine eare, a light in mine eye, an anything, a nothing, a fancy, a Chimera in my braine, troubles me in

¹ Ср. со стихотворением *Goodfriday* (строки 21-27)
Could I behold those hands which span the Poles,
And turn all speares at once, peirc'd with those holes?
Could I behold that endlesse height which is
Zenith to us, and our Antipodes,
Humbled below us? Or that blood which is
The seat of all our Soules, if not of his,
Made durt of dust, or that fleshe which was worne
By God, for his apparel, rag'd and torne?

my prayer. So certainly is there nothing, nothing in spirituall things, perfect in this world.» (LXXX Sermons, No. 80, p. 820)

Нельзя не сказать об удивительной образности прозы Донна. Некоторые образы поражают нас своей приземленностью: проповедник, который не отказывает себе в пустой риторике, описывается, как человек, который сделав пирог из слив, без мяса, предлагает его на продажу на каждом рынке («having made a Pye of Plums, without meat, offers it to sale in every Market» LXXX No. 12, p. 114) Донн может отправиться на птичий двор за метафорой: «All egges are not hatched that the hen sits upon; neither could Christ himselfe get all the chickens that were hatched, to come, and to stay under his wings.» (LXXX Sermons, No. 7, p. 70) Некоторые образы гротескны и мрачны. Существует великое множество мрачных образов, но мы приведем здесь одну довольно затертую метафору, когда жизнь сравнивается с путешествием в далекий город, обретающую у Донна свежее прочтение – он напоминает слушателям о виселицах, которые размещались на самом видном месте перед въездом в город: «As he that travaills weary, and late towards a great City, is glad when he comes to a place of execution, because he knows that is neer the town; so when thou comest to the gate of death, [he] glad of that, for it is but one step from that to thy *Jerusalem.*» (XXVI Sermons, No. 20, pp. 294-295) Проповеди содержат большое количество очень своеобразных образов, отличающих поэзию Донна. Вслед за Доктором Джонсоном, который задавался вопросом «Who but Donne would have thought that a good man is a telescope?», мы можем спросить: «Кто еще мог сравнить жизнь доброго человека с гравюрой?»: «Bee pleased to remember that those Pictures which are deliver'd in a minute, from a print upon a paper, had many dayes, weeks, Moneths time for the graving of those Pictures in the Copper; So this Picture of that dying Man, that dies in Christ, that dies the death of the Righteous, that embraces Death as a Sleepe, was graving all his life; All his publique actions were the lights, and all his private shadowes of this Picture.» (XXVI Sermons, No. 15, p. 218) Донн может создавать образность, используя адгерентно-коннотативную лексику: «Implicite beleevers, ignorant beleevers, the adversary may swallow; but the understanding believer, he must chew, and pick bones, before he come to assimilate him, and make him like himself.»

Существует определенное количество образов, которые шокируют нас своей несовместимостью – например, метафоры, взятые из сферы театра или игорного дома, чтобы проиллюстрировать глубокие религиозные мысли. Это прямо противоположно использованию Донном образов из теологии и метафизики в описании земной любви. Таким образом, Донн использует образы несравненно шире, чем другие проповедники его времени. Он берет свои метафоры с королевского двора, со сцены, из таверны, игорного дома (что является напоминанием, что

Донн был в молодости заядлым игроком): «God is not to be truly found by the soul in those transitory and interlocutory prayers, which out of custome and fashion we make, and still proceed in our sin; when we pretend to speake to God, but like Comedians upon a stage, turne over our shoulder, and whisper to the Devill.» (LXXX Sermons, No. 41, p. 406) Интересен образ красоты – Донн ищет ее не в свете заходящего солнца, но в темном течении человеческой мысли. Красота по Донну – это математический символ – God the Circle: «God is a circle himselfe, and he will make thee one.» (LXXX Sermons, No. 2, p. 14) Красота природы видится ему в «the peaceful succession, and connexion of cause, and effects.» (LXXX Sermons, No. 15, p. 146)

Трудно правильно прочесть проповеди Донна, не осознавая, что этот проповедник был по существу поэтом. Есть несколько проповедей, которые фактически являются поэзией – именно по своей структуре: например, проповедь, сказанная им на день Святой Пасхи в соборе Святого Павла в 1629 году. Донн берет за основу отрывок из Книги Иова, который описывает видение Елифаза Феманитянина – дикого человека из пустыни, потрясенного до мозга костей невидимым присутствием, что обнаруживает недостижимую святость Бога:

Fear came upon me, and trembling,
which made all my bones to shake.
Then a spirit passed before my face;
The hair of my flesh stood up:
It stood still, but I could not discern the form thereof:
An image was before mine eyes;
there was silence, and I heard a voice, saying,
Shall mortal man be more just than God?
shall a man be more pure than his Maker?
Behold, he put no trust in his servants;
and his angels he charged with folly:
How much less in them that dwell in houses of clay,
whose foundation is in the dust,
which are crushed before the moth?
They are destroyed from morning to evening:
They perish for ever, without any regarding it.

(Job, 4.14-20)

Очевидно, Донн намеревался вывести своих слушателей из состояния самоуспокоенности в то время, как они ожидали красноречивую проповедь на какие-нибудь традиционные стихи. Несколько лет подряд он уже выдавал им великолепные тексты на тему воскресения из мертвых. Он сам глубоко верил в христианскую идею бессмертия, но как раз накануне прошел через глубокие воды печали и болезни – в 1627 году он потерял свою дочь Люси и двух дорогих друзей – Магдален Денверз

и Люси графиню Бедфордскую. В конце лета 1628 года его настигла лихорадка и острый тонзиллит, приковавшие его к постели. Несколько недель он не мог проповедовать, и распространился слух, что он мертв. Столкнувшись с перспективой предстать перед взором Господним, он задался вопросом из видения: «*Shall mortal man be more just than God?*». В проповеди Донн представляет своим слушателям дилемму Елифаза, построив ее в виде параграфов и заканчивая каждый одним и тем же текстом (который по-еврейски представляет собой поэтическую строку), слегка варьируя от параграфа к параграфу. Это прием, который он использовал в таких стихах, как «*The Will*», «*An Epithalamion on the Lady Elizabeth and Count Palatine being married*», «*Epithalamion made at Lincolnes Inne*». В проповеди стих «*Behold, he put no trust in his servants, and his Angels he charged with folly*» повторяется в конце каждого из девяти параграфов: сначала без изменений, а позже с такими вариациями, как «*God put no trust in those servants, but...*» или «*In those servants he put no trust, and those Angels he charged with folly*».

В заключении еще раз хочется отметить, что в своих проповедях Донн использует широкое разнообразие таких приемов, как чередование длинных и коротких предложений (под влиянием латинских авторов, которых он изучал самым тщательным образом), аллитерацию, антитезу, игру слов, параллелизм, парадокс, иронию, что на лексику проповедей, естественно, повлиял язык Библии, и что потрясающая образность его проповедей резко выделяется на фоне проповедей его современников. Становится совершенно очевидным, что невозможно было бы правильно воспринимать проповеди Джона Донна, не осознавая того факта, что этот великий проповедник был прежде всего поэтом, и что именно личность Донна пронизывает его проповеди – сочетание интеллектуальных и эмоциональных элементов производит этот мощный эффект.

Л и т е р а т у р а

1. Donne John (1987) *Selected Prose*. Edited with an introduction and notes by Neil Rhodes. Penguin Books.
2. Donne John (1953) *The Sermons of John Donne in Ten Volumes*. University of California Press.
3. Daiches David (1996) *A Critical History of English Literature in Two Volumes*. Volume I. Mandarin.
4. Cary John (1981) *John Donne: Life, Mind and Art*. London and Boston.
5. Simpson Evelyn M. (1948) *A Study of the Prose Works of John Donne*. Oxford.